

Woman in Russian Society
2021. Special issue. P. 136—149
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.9

Женщина в российском обществе
2021. Специальный выпуск. С. 136—149
ББК 60.561.53
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.9

БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИН-МИГРАНТОК ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

С. В. Рязанцев^{a, b}, С. Ю. Сивоплясова^{a, c}

^a Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия, riazan@mail.ru

^b Московский государственный институт международных отношений (университет), Министерство иностранных дел РФ, г. Москва, Россия

^c Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), г. Москва, Россия

В статье представлены результаты исследования особенностей брачного поведения женщин-мигранток из стран Центральной Азии. Выводы сделаны на основе анализа статистических данных о числе заключённых браков между гражданами разных государств. В ходе исследования выявлено, что женщины из Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана довольно активно заключают браки на территории России. Общий коэффициент брачности достигает 244 брака на 1 тыс. женщин-мигранток. В подавляющем большинстве случаев в качестве спутников жизни иностранные невесты выбирают граждан России. Одним из факторов данной этнической структуры является распространённость «фиктивных» браков. В статье рассматриваются последствия таких браков, предлагаются варианты регулирования этого элемента брачного рынка.

Ключевые слова: браки с иностранцами, общий коэффициент брачности, женщины, невесты-иностранки, женихи-иностранцы, Центральная Азия.

MATRIMONIAL BEHAVIOR OF WOMEN FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES

S. V. Ryazantsev^{a, b}, S. Yu. Sivopljasova^{a, c}

^a Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, riazan@mail.ru

^b Moscow State Institute of International Relations (University),
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^c Moscow Aviation Institute (National Research University),
Moscow, Russian Federation

The results of a study of the features of matrimonial behavior of migrant women from Central Asian countries are presented in this article. The conclusions are based on the analysis of statistical data on the number of marriages between citizens of different States in the Russian marriage market. Marriage in the migration process is a widespread phenomenon. In some countries, the proportion of marriages with foreigners reaches 30—40 % of the total number of marriages. In Russia, the share of marriages complicated by a foreign component is 6,5 %. Of these, the largest number of marriages were concluded by citizens of Ukraine. The countries of Central Asia — Tajikistan, Uzbekistan, Kazakhstan, and Kyrgyzstan — occupy the second, fourth, sixth, and ninth positions in the list, respectively. Citizens of Turkmenistan are much less active in getting married in Russia. In our country, number of marriages with foreign men is significantly higher than foreign women. However, this ratio is not met among citizens of Kazakhstan and Kyrgyzstan: more marriages are performed by women than men. The total marriage rates among migrants were calculated to determine the intensity of marriage by foreigners from Central Asian countries. The highest value of the total marriage rate of migrants is observed among citizens of Tajikistan, the lowest is among citizens of Turkmenistan. At the same time, the total marriage rate among women from Kyrgyzstan, Turkmenistan and Uzbekistan exceeds that of men. It is meaning that women from these countries are more likely to marry in Russia. The vast majority of marriages with a foreign component — 96 % — are between foreigners and Russians. The remaining 4 % of marriages are those in which both the bride and groom are foreign citizens. Citizens of Central Asian countries if they marry someone other than a Russian, choose their compatriot in the vast majority. It should be noted that the practice of marriage in the country of emigration is not limited only to marriage migration. It is not uncommon for people who come to the country for employment, education, or other aims to find life partners and register relationships. However, we should not exclude the widespread adoption of a pragmatic approach to marriage, in which migrants consider to marriage as an opportunity to be legalized in the country of immigration in a simplified manner, faster and easier to obtain citizenship. Therefore, the development and implementation of state regulation measures in this area is particularly relevant.

Key words: marriages with foreigners, total marriage rate, women, foreign brides, foreign grooms, Central Asia.

Введение

Брачное поведение формируется под воздействием множества факторов: культурных и религиозных традиций общества, экономических условий жизни людей, правовых норм страны. Значимой детерминантой, влияющей на брачное поведение человека, также выступает его миграционный опыт. Миграция, с одной стороны, может «содействовать» вступлению в брак (в данном случае речь идет

о брачной миграции, когда мужчине или женщине не удалось найти спутника жизни на «местном» брачном рынке и поиски партнёра выходят за его пределы), с другой стороны — миграция может «сдерживать» вступление в брак (когда перед человеком встаёт дилемма: создание семьи на родине или получение образования, или трудоустройство вдали от дома), с третьей стороны — брак в процессе миграции может являться не планируемым, но свершившимся событием (когда создание семьи не являлось основной целью переезда).

Брачное поведение мигрантов значительно различается в зависимости от направления миграции и половозрастной структуры миграционного потока. Настоящее исследование сфокусировано на особенностях брачного поведения женщин-мигранток из стран Центральной Азии в России.

Выбор направления исследования обусловлен несколькими причинами. Во-первых, миграционный коридор между Россией и странами Центральной Азии всегда отличался особой широтой. Около половины миграционного оборота России составляют перемещения в данном направлении [Сивоплясова, 2020: 107]. Во-вторых, в настоящее время фиксируется процесс феминизации миграции, поэтому важным представляется более подробное изучение демографически значимых событий в среде женщин-мигрантов. В-третьих, заключение брака является не только демографически, но и юридически и экономически значимым событием, которое влияет на гендерную, этническую, брачную структуры общества, изменяет численность населения страны (как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе), вносит трансформации в структуру потребления товаров и услуг, влияет на рынок недвижимости, нередко вызывает необходимость решать нетривиальные правовые задачи.

Методологическая база исследования

Проблема брачного поведения мигрантов в последние несколько лет актуализировалась в мировом научном дискурсе. Учёные из разных стран (Дании, Индонезии, Китая, Нидерландов, США, Сингапура и других) проявляют интерес к изучению различных аспектов заключения брака в условиях миграции. Нередко эти исследования затрагивают гендерные вопросы ввиду различий в брачном и миграционном поведении между мужчинами и женщинами.

Так, Кэролайн Б. Бреттель [Brettel, 2017] изучала проблему гендерного дисбаланса, «нехватки» невест как побуждающей силы к поиску спутниц жизни за рубежом, различные формы брака среди мигрантов, проблему супружеских отношений и реализации родительской функции в условиях миграции. Ху Айинг, Ли Шужуо и Маркус В. Фелдман [Hu Ying et al., 2013] акцентировали внимание на социально-юридической стороне вопроса. Результаты данных исследований показали, что молодые китайские женщины стали чаще использовать заключение брака (в том числе фиктивного) для упрощения регистрации на территории, где расположено место работы. Юридические последствия фактического заключения брака среди трудовых мигрантов из Индонезии в Малайзии рассматривают Яян Сопян и Бурханатут Дяна [Yayan, Burhanatut, 2017]. Они обращают внимание на тот факт, что браки индонезийских трудовых мигрантов на территории Малайзии не регистрируются. В связи с этим растёт число незарегистрированных браков, что вызывает негативные социально-экономические

и юридические последствия для супругов и их детей. Правительство Индонезии было вынуждено разработать нормы, упрощающие порядок регистрации таких браков. Однако эти мероприятия были восприняты мигрантами не как «экстренная» мера, а как действующий «особый» порядок регистрации брачных отношений для трудовых мигрантов.

Вопросами брачного поведения мигрантов в России занимаются довольно много отечественных и зарубежных учёных. Главным образом эти исследования касаются миграционного потока из стран Центральной Азии. Среди российских авторов следует отметить Е. А. Варшавера, А. Л. Рочеву, К. И. Казенина, В. А. Козлова [Варшавер и др., 2019], Е. Е. Письменную [Письменная, 2017], Д. В. Полетаева [Полетаев, 2018], С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовскую, С. Н. Перемышкина [Рязанцев и др., 2019], Е. Л. Сороко [Сороко, 2014], Е. В. Тюрюканову [Тюрюканова, 2011] и других. Среди зарубежных коллег, занимающихся изучением данного вопроса, необходимо назвать Л. П. Максакову [Максакова, 2015], Х. Х. Мамадалиеву [Мамадалиева, 2017], С. К. Олимову [Олимова, 2018] и других.

В своих исследованиях авторы затрагивают не только вопросы брачного поведения мигрантов, но и более широкий круг проблем, носящих социальный характер, например, особенности сексуального поведения мужчин и женщин в условиях миграции, семейные отношения между мигрантами и членами их семей, оставшимися на родине, условия проживания в стране приема, бытовые проблемы. Важным представляется отметить тот факт, что сделанные авторами выводы основаны главным образом на результатах проведённых социологических опросов, а также интервью с экспертами.

Отличительной особенностью настоящей работы является то, что основу информационной базы исследования составляют не результаты социологических опросов, а статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. Выводы основаны на результатах количественного анализа. Выбор метода исследования обусловлен тем, что он позволяет оценить уровень брачности с учётом иностранного компонента в стране, а также выявить особенности траекторий брачного и миграционного поведения женщин-мигранток из стран Центральной Азии в России.

Масштабы миграции женщин из стран Центральной Азии в Россию

В настоящее время в мире наблюдается увеличение миграционной активности женщин. В 2019 г. их доля в мировом миграционном потоке достигла 48 % [Рязанцев и др., 2019]. Однако уровень феминизации миграции значительно различается в зависимости от региона. Так, в Северной Америке, Европе, Океании и некоторых других макрорегионах доля представительниц прекрасного пола в миграционном потоке превысила 50 % ещё в 2010-х гг. [Научное обозрение, 2015]. А в азиатских и африканских странах и в настоящее время в миграционном потоке преобладают мужчины (53—57 %) [UN DESA, 2019].

Согласно данным Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, население стран Центральной Азии в постсоветский период активно перемещалось из одной страны в другую. Среди данной группы стран наибольшей миграционной активностью отличаются

Казахстан и Узбекистан. Миграционный оборот этих государств в 2019 г. составил 7,711 млн и 3,148 млн человек соответственно. В Таджикистане, Туркменистане и Киргизии данный показатель не достигает 1 млн человек. Причём, данная диспропорция отмечалась на протяжении всего рассматриваемого периода с 1990 г. по 2019 г.

Страны Центральной Азии всегда отличались патриархальностью и строгостью в следовании традициям. Тем не менее, в новейшей истории доля женщин в миграционном потоке этих стран была очень высокой — 50—56 % от величины миграционного оборота каждой страны. При этом результаты исследования показывают, что в течение последних 15 лет Казахстан активно «теряет» женское население — доля женщин в эмиграционном потоке превышает долю женщин в иммиграционном потоке, а Таджикистан, напротив, «накапливает» — доля женщин в иммиграционном потоке превышает долю женщин в эмиграционном потоке более чем на 10 %.

Наиболее «популярной» страной для эмиграции среди населения Центральной Азии является Россия. Согласно данным ООН, за последние 30 лет доля эмигрантов из этих стран, переезжающих в Россию, составляла от 58 % в Узбекистане в 2019 г. до 83 % в Киргизии в 1990 г. Доля женщин, мигрировавших в нашу страну, также значительно выше, чем в какую-либо другую (от 57 % до 82 % от числа женщин-эмигранток). При этом наиболее «популярна» Россия как страна эмиграции среди жительниц Киргизии (около 80 % от общего числа женщин-эмигранток из этой страны перемещаются в данном направлении), а наименее — среди женщин Узбекистана (около 60 % мигрируют в Россию, другими популярными направлениями являются Казахстан — 12 % и Украина — 10 %).

Миграционные процессы оказывают существенное влияние на социально-экономическое и демографическое развитие принимающей страны. Поэтому важно рассмотреть структуру иммиграционного потока в Россию из стран Центральной Азии. Согласно данным ОЭСР, с 2011 г. по 2017 г. ежегодно в нашу страну приезжают 150—240 тыс. мигрантов из Центральной Азии (рис. 1) [International Migration Outlook, 2019].

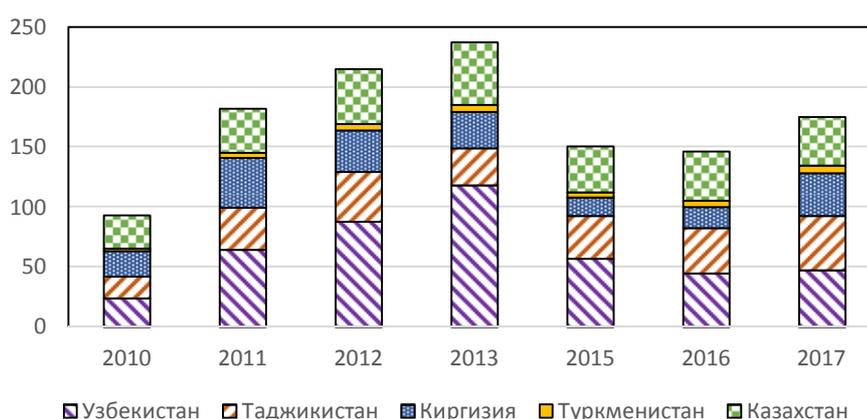

Рис. 1. Иммиграционный поток из стран Центральной Азии в Россию, человек

Доля женщин в данном миграционном потоке составляет около 40 % (рис. 2), т. е. Россия ежегодно принимает около 70 тыс. женщин-мигранток из стран Центральной Азии. Динамика данного показателя является растущей. Исключение составляет период 2013—2015 гг., когда отмечался резкий спад миграции, обусловленный кризисными процессами.

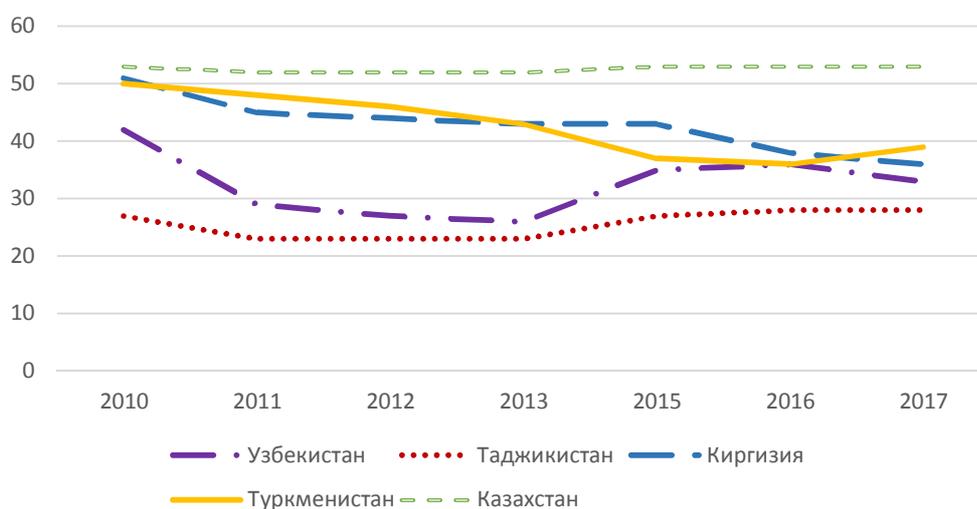

Рис. 2. Доля женщин в иммиграционном потоке в Россию из стран Центральной Азии, %

Среди приезжающих из Казахстана доля представительниц прекрасного пола наивысшая по сравнению с другими странами региона — более 50 %. За рассматриваемый период 2010—2017 гг. доля женщин в миграционном потоке из Киргизии и Туркменистана имела понижательную тенденцию, из Таджикистана — отмечался рост, из Узбекистана — фиксировалась волнообразная динамика. Столь разнонаправленное движение может быть связано с различными факторами, проявляющимися как в стране выезда, так и в стране приёма. Среди них: особенности демографического развития посылающих стран, трансформация рынка труда в стране-реципиенте, изменения в миграционном законодательстве и т. д.

Брачное поведение женщин-мигранток из стран Центральной Азии

Заключение брака в процессе миграции — явление довольно распространённое. Так, в Испании в более чем 15 % случаев хотя бы одним из партнёров [Instituto Nacional de Estadística], заключающих брак, является иностранец. В Италии данный показатель составляет 9 % [Istituto Nazionale di Statistica], в Южной Корее — 10 % (в 1990-е гг. он был значительно выше — 30—40 %) [Сивоплясова, 2017].

Согласно данным Росстата, в России доля браков, осложнённых иностранным компонентом, в 2018 г. составляла 6,5 % (в расчёте учитывались браки, в которых хотя бы один из супругов является иностранцем) (рис. 3).

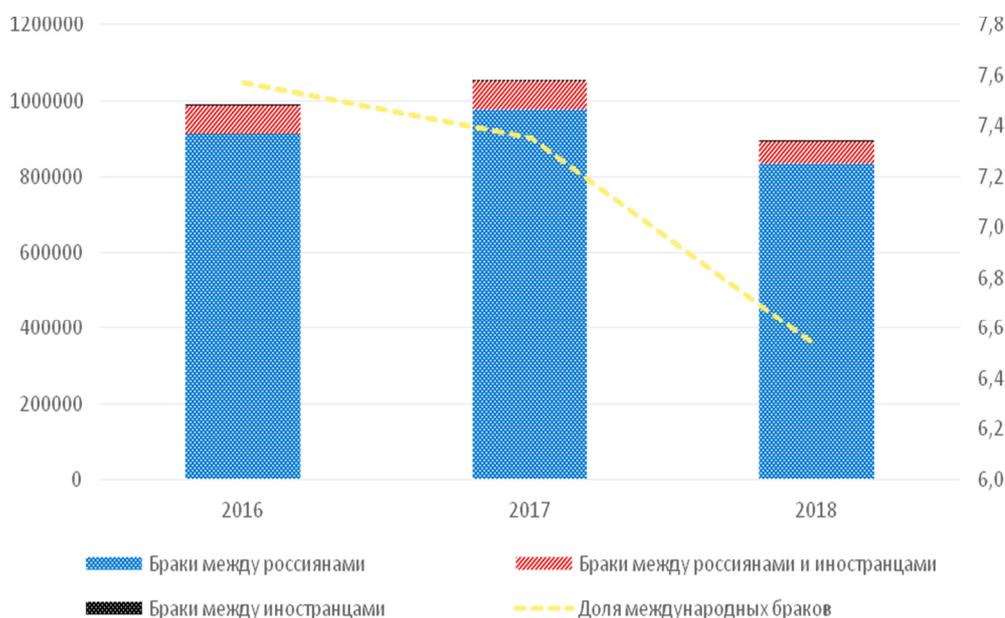

Рис. 3. Число и доля браков по гражданству супругов

При этом за период 2016—2018 гг. отмечалось снижение данного показателя на 1,1 %. Принимая во внимание общую тенденцию снижения брачности, можно сказать, что Россия становится все менее привлекательной для иностранных женихов и невест.

Тем не менее в настоящее время сформировался своеобразный «пул» стран, граждане которых наиболее часто заключают браки на территории России. Безусловным лидером является Украина. В 2018 г. более 17,2 тыс. граждан этой страны заключили брак в России. Страны Центральной Азии — Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, Киргизия — занимают в списке вторую (8331 брак), четвертую (4814 брака), шестую (3966 браков) и девятую (1484 брака) позиции соответственно. Граждане Туркменистана значительно менее активно заключают браки на территории России (в 2018 г. было заключено 208 браков).

Динамика брачности среди граждан стран Центральной Азии в России не является однообразной. Так, на протяжении рассматриваемого периода с 2016 г. по 2018 г. число браков, одним из супругов в которых являлись граждане Узбекистана, сокращалось из года в год. Число браков, одним из супругов в которых являлись граждане Казахстана, Киргизии или Туркменистана, увеличилось в 2017 г. по сравнению с 2016 г. и сократилось в 2018 г. по сравнению с 2017 г. Число браков, одним из супругов в которых были граждане Таджикистана,

сократилось в 2017 г. по сравнению с 2016 г. и увеличилось в 2018 г. по сравнению с 2017 г.

В России мужчины-иностранцы заключают заметно большее число браков, чем женщины-иностранки. Наиважнейшим фактором такой диспропорции, безусловно, является гендерный дисбаланс в сторону мужского населения в иммиграционном потоке в страну. Однако среди мигрантов из стран Центральной Азии такая строгая зависимость проявляется не всегда. Так, среди граждан Казахстана больше браков заключают в России женщины, чем мужчины, что соответствует структуре миграционного потока. Среди граждан Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана больше регистрируют отношения мужчины, чем женщины, что также соответствует гендерной структуре миграции. А среди граждан Киргизии больше создают семьи женщины, чем мужчины, хотя на долю прекрасного пола в иммиграционном потоке приходится только около трети от общего числа мигрантов. Вероятнее всего, такое «несоответствие» вызвано, с одной стороны, не столь строгими, как в иных странах Центральной Азии, национальными традициями в отношении выбора спутника жизни; с другой — особенностями трудоустройства в принимающей стране (в России гражданки Киргизии часто устраиваются на работу сиделками и нянечками, то есть в семьи, где высока вероятность встретить будущего мужа); с третьей — граждане Киргизии, как правило, неплохо знают русский язык, что облегчает общение с противоположным полом.

При этом, если разница между числом женщин и мужчин из Казахстана и Туркменистана, заключивших брак в России, небольшая (около 10—20 %), то среди граждан Узбекистана данное отношение составляет 1,6 раза, а среди граждан Киргизии и Таджикистана достигает рекордных 2 и 3,5 раза соответственно.

Для определения интенсивности заключения браков иностранцами из стран Центральной Азии были рассчитаны общие коэффициенты брачности среди мигрантов (рис. 4).

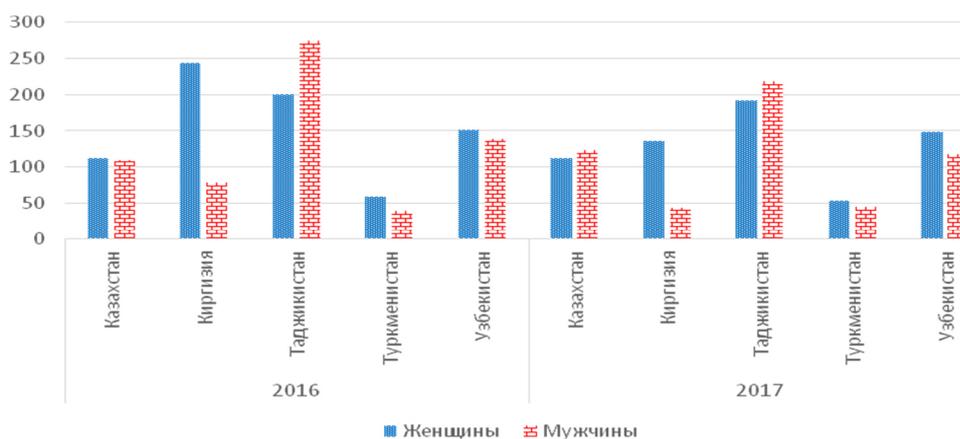

Рис. 4. Общий коэффициент брачности среди мигрантов из стран Центральной Азии, браки на 1 тыс. мигрантов соответствующего пола

Из рисунка видно, что наибольшее значение общего коэффициента брачности мигрантов отмечается среди граждан Таджикистана (200 браков, в которых невеста является гражданкой Таджикистана, на 1 тыс. женщин-иммигранток из этой страны и 275 браков, в которых женихом является гражданин Таджикистана, на 1 тыс. мужчин-иммигрантов из Таджикистана в 2016 г. и 192 и 219 браков на 1 тыс. иммигрантов соответствующего пола в 2017 г.). Наименьшее значение общего коэффициента брачности свойственно гражданам Туркменистана. Важно отметить, что значения общих коэффициентов брачности среди мужчин и женщин из Казахстана, Туркменистана и Узбекистана различаются незначительно. А значения данного показателя среди граждан Киргизии различаются более чем в 3 раза. То есть мигрантки из этой страны не просто более активно выходят замуж в России (абсолютное число браков, в которых невеста является гражданкой Киргизии, в 2 раза больше числа браков, в которых женихом выступает гражданин этого государства), но и со значительно большей частотой.

Помимо этого, интересным представляется тот факт, что, несмотря на значительное превышение числа мужчин-мигрантов из Узбекистана над числом женщин-мигранток из этой страны, а также более чем полторакратное превышение числа браков молодых людей над числом браков девушек и женщин из этой страны, интенсивность вступления в брачные отношения у представительниц прекрасного пола заметно выше — общий коэффициент брачности среди женщин составляет 152 брака на 1 тыс. женщин-иммигранток против 139 браков на 1 тыс. мужчин в 2016 г. и 149 браков против 118 соответственно в 2017 г.

Подавляющее большинство межнациональных браков — 96 % — в России заключается между иностранцами и россиянами. Оставшиеся 4 % браков — это браки, в которых и невеста, и жених являются иностранными гражданами. Среди граждан стран Центральной Азии, заключивших брак в России, отмечается схожее соотношение. Диапазон значений долей браков с россиянами варьируется от 90 % (соответствует доли женихов из Киргизии, женившихся на россиянках в 2018 г., относительно общего числа браков, в которые вступили киргизские мужчины в нашей стране; а также доли браков между невестами из Туркменистана и российскими женихами в 2017 г.) до 98 % (соответствует доле браков между мужчинами-гражданами Таджикистана и россиянками относительно общего числа браков, в которые вступали таджикские женихи в 2018 г.).

Россия нередко становится своеобразной «площадкой» для регистрации браков между иностранными гражданами. Граждане стран Центральной Азии, если заключают брак не с россиянином, то в подавляющем большинстве случаев делают выбор в пользу своего соотечественника. Причём, как правило, данная закономерность прослеживается как в браках женихов — граждан стран Центральной Азии, так и невест из этого региона. Доля подобных браков составляет 76—83 % от общего числа браков между иностранцами. Однако особый «патриотизм» прослеживается в брачном поведении невест из Таджикистана и женихов из Казахстана. Со своими соотечественниками они заключают около 90 % браков. Вероятнее всего, одной из главных причин такой ситуации является более строгое следование национальным традициям в вопросе выбора спутника жизни и традиционное предпочтение человека своей национальности и вероисповедания всем другим кандидатам. Кроме того, закономерной моделью поведения

мигрантов за рубежом является более тесное общение между земляками, ментально близкими людьми. Поэтому неудивительно, что в этой среде зарождаются романтические отношения между мигрантами.

Вместе с тем следует отметить особенность брачного поведения мигранток из Узбекистана: выбирая в качестве жениха гражданина иностранного государства, они делают выбор в пользу соотечественников в 67—70 % случаев, что является наименьшим показателем среди рассматриваемых стран. Своеобразной «альтернативой» для этих невест являются женихи — граждане Таджикистана. Доля браков между невестами из Узбекистана и женихами из Таджикистана составляет 6—10 %.

Таким образом, заключение брака женщинами — гражданками Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана — в процессе миграции в Россию является довольно распространенной практикой. При этом следует отметить, что масштабы данного явления не ограничены только значениями показателей брачной миграции, то есть перемещением людей с целью заключения брака и создания семьи за рубежом. Нередко лица, приехавшие в страну по причине трудоустройства, получения образования или другим, находят спутников жизни и регистрируют отношения. Однако не следует исключать и широкого распространения прагматического подхода в вопросах брака, в рамках которого мигранты рассматривают брак как возможность легализоваться в стране иммиграции в упрощенном порядке, быстрее и проще получить гражданство.

Выводы

Подводя итог, необходимо отметить, что заключение брака в процессе миграции является весьма распространённой практикой, к которой прибегают как мужчины, так и женщины. В ходе исследования была выдвинута гипотеза, что национальные традиции и устои стран Центральной Азии могут «сдерживать» вступление в брак в стране эмиграции. Однако анализ статистических данных показал, что граждане Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, напротив, активно ищут спутников жизни в России. Более того, среди мигрантов из Казахстана и Киргизии чаще заключают браки женщины, чем мужчины, а среди мигрантов из Узбекистана интенсивность заключения браков выше у женщин, чем у молодых людей. То есть брачный канал миграции из стран Центральной Азии в Россию используется весьма активно.

Нельзя отрицать, что часто причиной заключения брака за рубежом является симпатия и любовь между женихом и невестой. Однако масштабы регистрации браков между гражданами Центральной Азии и россиянами, то есть значительно различающимися в ментальном плане людьми, позволяет предполагать, что нередко браки заключаются «фиктивно», из прагматических целей получения гражданства.

Причём бремя поиска «фиктивного» мужа или жены в настоящее время далеко не всегда ложится на плечи самого мигранта. Известны случаи «коммерциализации» данной сферы, когда специальные посредники обеспечивают регистрацию брака между мигрантом и гражданином России за определенную плату. Однако «фиктивные» супруги далеко не всегда получают те «выгоды», на которые рассчитывали. Гражданин или гражданка России не получают оплату,

а также сталкиваются с массой правовых проблем: признание отцовства в отношении детей «фиктивной» супруги, раздел имущества в случае развода, «испорченная» репутация и другие. Иностранец, плохо разбирающийся в отечественном законодательстве, часто не получает гражданства в упрощённом режиме, сталкивается с невозможностью установления отцовства в отношении своих детей, может быть выдворен за границу в случае, если будет доказано, что брак фиктивный.

В российской практике не существует специальных государственных органов, осуществляющих контроль за действительностью браков, заключённых между россиянами и иностранцами. Поэтому обнаружить и доказать, что брак является фиктивным, крайне сложно. Вместе с тем, как было сказано выше, это влечёт за собой большое число негативных юридических, экономических и психологических последствий. Поэтому очевидно, что данная сфера должна быть понята, просто и чётко урегулирована.

Тем не менее, с демографической точки зрения, брак между гражданином России и иностранцем может рассматриваться как некий «человеческий ресурс», ведь заключение брака и желание получить гражданство свидетельствует о планах надолго связать свою жизнь с нашей страной. Поэтому важность правовой определённости в данной сфере не вызывает сомнений.

Библиографический список

- Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Казенин К. И., Козлов В. А.* Рождаемость среди иностранных трудовых мигрантов в России и влияющие на нее факторы: (анализ данных опроса) // Вестник института экономики Российской академии наук. 2019. № 1. С. 100—111.
- Зайончковская Ж. А., Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., Полетаев Д. В., Тюрюканова Е. В., Флоринская Ю. Ф.* Женщины-мигранты из стран СНГ в России / под ред. Е. В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011. 119 с.
- Максакова Л. П.* Трудовая миграция в аспектах семьи // Миграционные мосты в Евразии: материалы VIII Международной научно-практической конференции «Роль трудовой миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран (Москва — Ставрополь, 13—18 октября 2015 года) / под ред. чл.-корр. РАН С. В. Рязанцева. М.: Экон-Информ, 2015. С. 141—144.
- Мамадалиева Х. Х.* Брак и семья в Узбекистане // Народонаселение. 2017. № 4. С. 67—77.
- Олимова С. К.* Трудности адаптации к мигрантской жизни: как таджики строят интимные отношения в России // Российский совет по международным делам. 28 июля 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/trudnosti-adaptatsii-k-migrantskoy-zhizni-kak-tadzhiki-stroyat-intimnye-otnosheniya-v-rossii/> (дата обращения: 21.06.2020).
- Полетаев Д. В.* Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 68—78.
- Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Перемышкин С. Н.* Гендерные аспекты трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирование // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 53—65.
- Сиволясова С. Ю.* Российские женщины на брачных рынках Японии, Кореи и Китая // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией

в условиях развития евразийского интеграционного проекта: материалы IX Международного научно-практического Форума (Москва, 28—29 ноября 2017 года): в 2 т. / под науч. ред. чл.-корр. С. В. Рязанцева, М. Н. Храмовой. М.: Экономическое образование, 2017. Т. 1. С. 169—173.

- Сивоплясова С. Ю. Женская трудовая миграция в период пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Сер. 1, Экономика и право. 2020. № 3. С. 106—113.
- Сороко Е. Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 4. С. 96—123.
- Brettel C. B. Marriage and Migration // *Annual Review of Anthropology*. 2017. Vol. 46. P. 81—97.
- Hu Ying, Li Shuzhuo, Feldman M. W. Trends and determinants of female marriage migration in contemporary China. 2013. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Trends-and-determinants-of-female-marriage-in-China-Ying-Shu-zhuo/05e4bc21cdc0c9b14e55aa7674a5435d487c0ad0#references> (дата обращения: 21.06.2020).
- Instituto Nacional de Estadística. URL: https://ine.es/dyngs/INEbase/es/operacion.htm?c=Estadistica_C&cid=1254736176999&menu=ultiDatos&idp=1254735573002 (дата обращения: 25.06.2020).
- Instituto Nazionale di Statistica. URL: <http://www4.istat.it/it/immigrati> (дата обращения: 25.06.2020).
- OECD. International Migration Outlook 2019, OECD Publishing, Paris, 2019. URL: <https://doi.org/10.1787/c3e35eec-en> (дата обращения: 20.06.2020).
- Pismennaya E. E., Ryazantsev S. V., Sivoplyasova S. Yu. Influence of migration on transformation of families in Tajikistan // *Female Migration: Forms, Trends, Consequences*. Ser.: Demography. Sociology. Economics. Vol. 3, № 1 / ed. by Corresponding-Member of the RAS S. V. Ryazantsev. Moscow: Econ-Inform, 2017. P. 122—131.
- UN DESA. 2019. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp> (дата обращения: 15.06.2020).
- Yayan S., Burhanatut D. Marriage legalization for Indonesian migrant workers // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research: International Conference on Law and Justice*. 2017. Vol. 162. P. 18—22.

References

- Brettel, C. B. (2017) Marriage and migration, *Annual Review of Anthropology*, no. 46, pp. 81—97.
- Hu, Ying, Li, Shuzhuo, Feldman, M. W. (2013) *Trends and Determinants of Female Marriage Migration in Contemporary China*, available from <https://www.semanticscholar.org/paper/Trends-and-determinants-of-female-marriage-in-China-Ying-Shu-zhuo/05e4bc21cdc0c9b14e55aa7674a5435d487c0ad0#references> (accessed 21.06.2020).
- Instituto Nacional de Estadística, available from https://ine.es/dyngs/INEbase/es/operacion.htm?c=Estadistica_C&cid=1254736176999&menu=ultiDatos&idp=1254735573002 (accessed 25.06.2020).
- Instituto Nazionale di Statistica, available from <http://www4.istat.it/it/immigrati> (accessed 25.06.2020).
- Maksakova, L. P. (2015) Trudovaia migratsiia v aspektakh sem'i [Labor migration in family aspects], in: Riazantsev, S. V. (ed.), *Migratsionnye mosty v Evrazii: Materialy VIII Mezhdunarodnoï nauchno-prakticheskoi konferencii "Rol' trudovoi migratsii v sotsial'no-ekonomicheskom i demograficheskom razvitii posylaiushchikh*

- i primimaiushchikh stran (Moskva — Stavropol', 13—18 oktiabria 2015 goda), Moscow: Ekon-inform.
- Mamadaliyeva, Kh. Kh. (2017) Brak i sem'ia v Uzbekistane [Marriage and family in Uzbekistan], *Narodonaselenie*, no. 4, pp. 67—77.
- OECD (2019) *International Migration Outlook 2019*, OECD Publishing, Paris, available from <https://doi.org/10.1787/c3e35eec-en> (accessed 20.06.2020).
- Olimova, S. K. (2018) *Difficulties of adaptation to migrant life: how Tajiks build intimate relationships in Russia*, available from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/trudnosti-adaptatsii-k-migrantskoy-zhizni-kak-tadzhiiki-stroyat-intimnye-otnosheniya-v-rossii/> (accessed 21.06.2020).
- Pismennaia, E. E., Riazantsev, S. V., Sivoplyasova, S. Yu. (2017) Influence of migration on transformation of families in Tajikistan, in: Ryzantsev S. V. (ed.), *Female Migration: Forms, Trends, Consequences*, seria Demography. Sociology. Economics, vol. 3, no. 1 Moscow: Ekon-Inform.
- Poletayev, D. V. (2018) Zhenskaia trudovaia migratsiia iz Tadjikistana i Kirgizii v Rossiiu [Female labor migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia], *Narodonaselenie*, vol. 21, no. 4, pp. 68—78.
- Riazantsev, S. V., Rostovskaia, T. K., Peremyshlin, S. N. (2019) Gendernye aspekty trudovoi migratsii v Rossii: trendy, posledstviia, regulirovanie [Gender aspects of labor migration in Russia: trends, implications, regulation], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 53—65.
- Sivoplyasova, S. Yu. (2017) Rossiiskie zhenshchiny na brachnykh rynkakh Iaponii, Korei i Kitaa [Russian women in the marriage markets of Japan, Korea and China], in: Riazantsev, S. V., Khramova, M. N. (eds), *Migratsionnye mosty v Evrazii: modeli effektivnogo upravleniia migratsiei v usloviakh razvitiia evraziiskogo integratsionnogo proekta: Materialy IX Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma* (Moskva, 28—29 noiabria 2017 goda), vol. 1, Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie, pp. 169—173.
- Sivoplyasova, S. Yu. (2020) Zhenskaia trudovaia migratsiia v period pandemii COVID-19 [Female Labor Migration in Condition of Pandemic COVID-19], *Nauchnoe obozrenie*, seriia 1, Ekonomika i pravo, no. 3, pp. 106—113.
- Soroko, E. L. (2014) Etnicheski smeshannye supruzheskie pary v Rossiiskoi Federatsii [Ethnically mixed married couples in the Russian Federation], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 1, no. 4, pp. 96—123.
- Tiuriukhanova, E. V. (ed.) (2011) *Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii* [Women migrants from CIS countries in Russia], Moscow: MAKSS Press.
- UN DESA (2019), available from <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp> (accessed 15.06.2020).
- Varshaver, E. A., Rocheva, A. L., Kazenin, K. I., Kozlov, V. A. (2019) Rozhdaemost' sredi inostrannykh trudovykh migrantov v Rossii i vliiaushchie na nee factory: (Analiz dannykh oprosa) [Birth rate among foreign labor migrants in Russia and factors affecting it: (Analysis of survey data)], *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, no. 1, pp. 100—111.
- Yayan, S., Burhanatut, D. (2017) Marriage legalization for Indonesian migrant workers, *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. International Conference on Law and Justice, vol. 162, pp. 18—22.

Информация об авторах / Information about the authors

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; заведующий кафедрой демографической и миграционной политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, г. Москва, Россия, riazan@mail.ru (Dr. Sc. (Economics), Professor, RAS Corresponding Member, Director, Institute for Demographic Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Head of the Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Сивоплясова Светлана Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Российская Федерация; доцент кафедры экономической теории, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), г. Москва, Российская Федерация, svetlankamos84@rambler.ru (Cand. Sc. (Economics), Associate Professor, Leading Researcher of the Center of Social Demography, Institute for Demographic Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Associate Professor at the Department of Economics, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation).